

*Посвящается
Мистеру Голубому Небосводу —
Айгану Соьеру Кингу.
Люблю тебя, малыш.*

СОДЕРЖАНИЕ

Моментальный снимок	9
 Заряженный	113
 На высоте	303
 Дождь	411
Послесловие	539

МОМЕНТАЛЬ

НЫЙ

СНИМОК

ГЛАВА 1

Шелли Бьюкс стояла у нижнего края подъездной дорожки, недоверчиво косясь на наше розовое ранчо из песчаника, словно бы никогда его прежде не видела. На ней было пальто, что подошло бы Хамфри Богарту*, на плече — большая матерчатая сумка, расписанная ананасами и тропическими цветами. Она вполне могла бы направляться в супермаркет, если бы таковой имелся в шаговой доступности (чего не было). Мне пришлось дважды взглянуть, чтобы понять, что не так в увиденном: Шелли забыла обуться. Ноги у неё были все измазаны, только что не чёрные от грязи.

Я сидел в гараже, занимался наукой — так мой отец называл мои всегдашние порывы испортить исправный пылесос или пульт управления телевизором. Поломал я больше, чем построил, хотя мне с успехом удалось подсоединить джойстик «Атари» от игровой приставки к радио, и я мог скакать со станции на станцию, нажимая пусковую кнопку... Капитально идиотский трюк, который тем не менее произвёл впечатление на жюри научной ярмарки восьмиклассников, что принесло мне награду (розетку из голубой ленты) за изобретательность.

* Хамфри Дефорест Богарт (1899—1957) — американский актёр, которого Американский институт киноискусства назвал лучшим актёром в истории американского кино. Снялся в семидесяти пяти полнометражных фильмах, в основном в героических ролях. Лауреат премии «Оскар» 1951 г. (*Здесь и далее — прим. пер.*)

В то утро, когда Шелли появилась в конце подъездной дорожки, я работал над ружьём для праздничных увеселений. Выглядело оно как пускатели смертоносных лучей в научно-фантастических романах: большой рупор из помятой латуни с прикладом и спусковым крючком от «люгера» (в общем-то, я спаял трубу и игрушечный пистолет, чтобы создать основу). И всё же, если нажать на спуск, ружьё звучало как клаксон, озаряло светом и устраивало метель из конфетти и бумажных лент. Была у меня идея: если с ружьём получится, мы с отцом могли бы предложить его производителям игрушек, а может, и запатентовать принцип в «Спенсер гифтс»^{*}. Как и большинство подающих надежды инженеров, я оттачивал мастерство на серии младенческих (в основе своей) проказ. В интернете нет ни одного чувака, который, по крайней мере, не фантазировал о создании рентгеновских очков, чтобы видеть сквозь девчоночьи юбки.

Я нацеливал ствол ружья-веселухи на улицу, когда впервые заметил Шелли прямо у себя на мушке. Опустив свой клоунский мушкетон и прищулив глаза, я оглядел её. Я её видел, а она меня нет. Для неё посмотреть в гараж было бы всё равно как пялиться в непроницаемую тьму ствола шахты.

Я собрался было окликнуть Шелли, но потом увидел её ноги, и воздух комом встал у меня в горле. Не издавая ни звука, я просто немного последил за ней. Её губы двигались, она шептала что-то себе под нос.

Обернувшись, Шелли метнула взгляд в сторону, откуда пришла, словно из страха, что кто-то подглядывает за ней. Только она была на дороге одна — посреди влажной вселенной, всё ещё прихлопнутой крышкой

* Крупная сеть по продаже игрушек, сувениров и других товаров, имеющая более шестисот магазинов в США и Канаде.

мрачного от облаков неба. Помню ещё, народ повыва-скивал мешки с мусором наружу, а машины запазды-вали, и по всей улице стояла вонь.

Почти сразу я почувствовал: важно не делать ниче-го для неё тревожного. Никаких явных оснований для осторожности не было, однако множество наших лучших соображений таятся куда как ниже уровня сознательных раздумий и не имеют ничего общего со здравомыслием. Мозг обезьяны впитывает массу сведений от таких сигналов, о получении которых мы даже представления не имеем.

Так что, спускаясь по подъездной дорожке, я сунул большие пальцы в карманы и даже не смотрел в сторо-ну Шелли. Щурился на горизонт, словно бы следил за полётом далёкого-далёкого самолёта. Я приближался к ней, как подходят к какой-нибудь хромой бродячей собаке, той, что может лизнуть твою руку с любовной надеждой, а может и наброситься, оскалив пасть, пол-ную зубов. Я ничего не говорил, покуда не подошёл к ней почти на расстояние вытянутой руки.

— Ой, привет, мис-с Бьюкс, — произнёс я, делая вид, будто только что её заметил. — У вас все о'кей?

Она повернула ко мне голову, и на округлом лице её тут же появилось выражение приятного добросер-дечия.

— Ну, у меня как-то всё перевернулось! Я дошла аж сюда, но не помню зачем. Сегодня же не мой день убираться!

Такого я не ожидал.

Давным-давно Шелли мыла, пылесосила и при-бирала наш дом — по четыре часа каждые вторник и пятницу. Она уже и тогда была старенькой, хотя и отличалась проворством и жизненной силой олим-пийки-кёрлингистки. По пятницам она оставляла нам прикрытую саранской пищевой плёнкой тарелку мяг-ких, словно торт, начинённых финиками печений. Люди, вот это было печенье! Ничего похожего больше

нигде не найти, никакие крем-брюле ни в каком «Фор сезонс» по вкусу рядом не лежат с печеньем Шелли Бьюкс и чашечкой кофе.

Но к августу 1988 года (мне недели оставались до поступления в школу) уже прошла почти половина моей жизни с той поры, как Шелли постоянно приходила убираться. Она перестала у нас работать после своего тройного шунтирования в 1982 году, когда врач заявил ей, что она должна на некоторое время дать себе отдохнуть. С тех самых пор она и отдыхает. Я об этом особо никогда не раздумывал, а если бы задумался, то прежде всего задался бы вопросом, а зачем ей вообще понадобилось работать? Совсем не было похоже на то, что ей нужны были деньги.

— Мис-с Бьюкс? Может, вас отец попросил прийти помочь Марии?

Мария — это заменившая Шелли крепкая, не слишком сообразительная девица двадцати с небольшим лет, всегда готовая громко рассмеяться и обладавшая торсом в форме сердечка, который рисовало воображение, когда и мне пришло время гонять мальчишескую шкурку. Я вообразить себе не мог, с чего это отец мог подумать, что Марии нужна будет помощь. Мы, насколько я знал, гостей не ожидали. Не уверен даже, что у нас вообще бывали гости.

Улыбка её быстро погасла. Она опять бросила на дорогу тот самый тревожный взгляд через плечо. Когда же вновь обратила лицо ко мне, на нём остался лишь едва заметный след хорошего настроения, глаза же были испуганными.

— Не знаю я, браток... Это ты мне скажи! Я ванну чистить должна была? Я помню, что в прошлую неделю не добралась до неё, вот она и грязная. — Шелли Бьюкс шарила рукой в своей матерчатой сумке, бормоча под нос. Когда она подняла взгляд, губы её были

расстроено сжаты. — Плевать. Я вышла из дома и за-
была грёбаный «Эйджекс»^{*}.

Меня передёрнуло; я обалдел бы не больше, если
б она распахнула пальто и оказалось, что она голая.
Шелли Бьюкс не была воплощением чопорной старой
леди (я помню, как она чистила наш дом в футболке с
изображением Джона Белуши^{**}), но я никогда не слы-
шал, чтобы она употребляла слово «грёбаный». Даже
«плевать» и то было малость пикантнее её обычного
разговорного меню.

Шелли, не заметив моего удивления, продолжала:

— Скажи своему папе, что я приведу ванну в по-
рядок завтра. Мне много времени не потребуется: де-
сять минут — и она будет сверкать, словно в неё никто
никогда свою задницу не макал.

Матерчатая сумка сползла у неё с плеча и раскры-
лась. Заглянув в неё, я увидел побитого и грязного
садового гнома, несколько пустых жестяных банок и
одну изношенную старую кроссовку.

— Лучше я домой пойду, — произнесла вдруг она,
почти машинально. — Африканер будет голову ло-
мать, куда я подевалась.

Африканером был её муж, Лоуренс Бьюкс, эми-
грировавший из Кейптауна ещё до моего рождения.
В семьдесят лет Ларри Бьюкс был одним из самых
красиво сложенных силачей, каких я знал: бывший
штангист с руками скульптурной лепки и увитой ве-
нами шеей циркового силача. Оставаться громадным
было его первоочередной профессиональной обяза-
тельностью. Он сделал деньги на сети спортивных залов,
которые открыл в семидесятые, точно так же, как на-

* Бренд бытовых чистящих и моющих средств.

** Джон Белуши (1949—1982) — американский коме-
дийный актёр, сценарист, певец.